

Βενεταίου κρήνη <лучше турецкая сабля, чем венецианский суд>. Такое отношение можно объяснить историческим фактом. Вспомним греческую поговорку: *Лучше турецкая чалма, чем римская тиара*. Турецкие завоеватели, по крайней мере в начальный период своего владычества, отличались большей веротерпимостью, позволяя грекам следовать православному обряду за умеренную подать в турецкую казну со стороны патриарха, в отличие от итальянцев, насаждавших католицизм на завоеванных греческих землях. Однако выражение *για φάτσα, για ράτσα* относящееся прежде всего к итальянцам, говорит о признании общих черт двух народов, об их включенности в единое пространство (вероятно, средиземноморское).

Итак, основой греческой национальной идентичности является, прежде всего, не географический принцип и даже не «физическая» принадлежность к той или иной нации, а язык и вероисповедание. По признаку принадлежности к той или иной религии совершенно разные народы могут объединяться в одну группу, смешиваться, наделяться общими чертами. Однако при обнаружении общих («национальных») черт за каждым народом закрепляется некая константная черта, наиболее часто обыгрываемая в произведениях устного народного творчества или фразеологии (турки жестокие, итальянцы коварные и т. д.). В формировании представления о том или ином народе важную роль играют исторические события. Мифологизация носителя иной культурной традиции приводит, с одной стороны, к негативному отношению; с другой стороны, в обряде нередко прибегают к заимствованиям из чужой традиции. «Чужой» как существо, принадлежащее иному миру, наделяется особой магической силой.

Т. А. Сироткина
Пермь

Этнонимы как объект этнолингвистики (на материале этнонимии Пермского края)

Этнолингвистика как «раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой, 1995, 27], выявляет народные стереотипы, формирующие этническую картину мира, реконструирует языковую картину мира этноса.

Одним из важнейших пластов языка, являющихся объектом этнолингвистики, выступают этнонимы – названия народов. Как отмечает А. С. Герд, этнолингвистика (вместе с этнографией, философией, социологией, психологией) «может содействовать уточнению таких краеугольных понятий, как этнос, этническая общность, народ, народность, нация» [Герд, 2005, 6].

Исследуя функционирование этнонимов в разных типах дискурса, мы можем проследить, как категория этничности отражает определенный (этнический) фраг-

мент языковой картины мира русского народа. Рассмотрим это на примере диалектной речи жителей Пермского края.

Из всего многообразия этнических стереотипов этнология выделяет группу стереотипов восприятия, под которыми обычно понимается (упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, распространяемый на всех ее представителей» [Садохин, 2003, 215].

Историки и этнографы, исследуя традиционную культуру народов Прикамья, сталкиваются с интересными с точки зрения стереотипов восприятия характеристиками: «Каждая русская женщина, с которой беседуешь о костюме, в первую очередь скажет: *Вот ведь, мы штанов-то не носили – грех, а оне* (татарские женщины) *все в штанах*. Татарка тоже добавит с удивлением: *Русские всю зиму в одной юбке, без штанов, коленки красные...*» [Черных, 2001, 35].

Наряду с термином *стереотип* в этнологии используется термин *этнический образ* – форма краткого описания, «в котором выделяется какое-то одно типическое свойство в восприятии представителей других этносов. Этнический образ, акцентируя внимание на какой-либо специфической черте внешнего поведения индивида, формирует общее представление об облике представителей того или иного этноса в целом» [Садохин, 2003, 216].

В языковой картине мира русских жителей Пермского края отражаются следующие черты этнических образов соседей:

1. Язык того или иного народа: *Были марийцы у нас. У них-то разговор свой* (д. Акчим Красновишерского района).

2. Типичные черты характера и поведения: *Он придет, так его не выгонишь. Больно навязливые. Своя нация – цыганы; Шапку не снимат даже! Ты что, по-татарски?* (д. Акчим).

3. Занятия представителей определенной национальности: *Приезжали раньше-то, гадали цыганки; Манси раньше наезжали. Унты продавали, туфли теплые; Третное ткали только пермянки – оне в шесть ниченков, а мы – в три-четыре* (д. Акчим).

4. Манера одеваться: *Штаны как у татарки, выпушизны наверх* (д. Акчим).

5. Особенности вероисповедания.

Опознание «своих» и «чужих» может происходить не только на основе языковых различий, но и на основе различий религиозных. Старообрядцы в народном сознании – это отдельный народ, *как нациё*. Слово *кержаки*, как и многие этнонимы, имеет переносные значения ‘упрямый, замкнутый человек’, ‘скупой’.

Отсутствие твердой христианской веры получает у русских отрицательную оценку. Недаром жителей д. Коми-Березовка, предки которых на рубеже XIX–XX вв. переселились из коми-зырянского с. Усть-Нем (бассейн Выгчгды), соседнее русское население называло *лопарями некрещеными* за то, что те не посещали храмы.

Все эти образы складываются в стереотипные представления о том или ином народе, с которым русское население проживает в тесном контакте. Основой гетеростереотипов, по наблюдениям этнологов, является «антропостереотипичность, т. е. обусловленность стереотипа внешним обликом индивида» [Садохин, 2003, 216]: *Личность такая мариец. Глаза узкие* (д. Акчим).

Стереотипные представления о типичных чертах характера или поведения позволяют использовать этнические имена в качестве нарицательных обозначений. Например, *тунгусом* в пермских говорах называют молчаливого человека: *Спросишь – он молчит. Тунгус называют. Он-де какой тунгус, нельзя-де слова докупиться* (д. Акчим).

Таким образом, этнонимы отражают связь языка и духовной культуры народа, его менталитета.

Герд А. С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб., 2005.

Садохин А. П. Этнология: Учеб. для студентов высш. учеб. заведений. М., 2003.

Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Черных А. В. Русские и татары Прикамья: межэтническое взаимодействие // Живая старина. 2001. № 2. С. 35–37.

О. С. Смирнова

Екатеринбург

О репертуаре номинативных моделей в эргонимии двух российских городов

В связи с развитием индустрии красоты в современной российской эргонимии заметно увеличилось количество наименований салонов красоты, причёсок, парикмахерских. Замечено, что при номинации объектов этого типа действуют определенные закономерности. И. В. Крюкова, обобщив материал, собранный исследователями в разных городах России – от Москвы до Комсомольска-на-Амуре, – установила, что использование при именовании салонов красоты «женских» антропонимов является общероссийским номинативным процессом [Крюкова, 2007, 283].

Предпринятый нами сопоставительный анализ названий 74 салонов красоты/парикмахерских и 73 рекламных агентств г. Красноярска показал специфичность тех и других. Так, отсубъектных наименований среди объектов первого типа в два раза больше. Это такие эргонимы, отражающие признаки субъекта номинации, как *Студия Лены Куц, Валентина, Рафаэль, Слава, РИТМ* (аббревиатура, составленная из начальных букв имен *Роман, Илья, Татьяна, Максим*, – так зовут близких родственников владельца парикмахерской). В отличие от названий рекламных агентств в отсубъектных наименованиях салонов красоты/парикмахерских релевантными оказываются не только свойства номинатора, но и его ближайших родственников, ср. *РИТМ, Руслан и Людмила* (салон красоты, название которого мотивировано именами владелицы и ее сына) [подробнее об этом см.: Смирнова, 2007, 317].

Изучение различий в именовании разнотипных объектов одного города – только один из аспектов эргонимических исследований. Другой аспект – выяснить, абсолютно ли одинаков репертуар моделей, действующих при номинации однотипных объектов, которые функционируют в разных российских городах.